

Инонациональное и национальное в творчестве Э.М. Форстера и его современников

Классик английской литературы Эдвард Морган Форстер (Edward Morgan Forster, 1879–1970) рассмотрел в своем творчестве инаковость как во внутреннем (нетождественность героя самому себе, реализованная посредством статуса «Я сам как Другой»), так и во внешнем (дихотомия «свое – чужое», включающая антитезу «национальное – инонациональное») ее проявлениях. Художественное сознание Э. М. Форстера складывалось под влиянием ведущих концепций личности первой трети XX века (З. Фрейд, К. Г. Юнг и др.). Э. М. Форстер не может рассматриваться как «одинокая» фигура в художественном освоении проблемы инаковости в ее воплощении «Я сам как Другой», а также «Я как представитель этой нации и культуры – Другой как инонациональное сознание» и «свое – чужое». Искания Э. М. Форстера находились в общем русле времени, ибо он оказался не единственным в своем обращении к проблеме инаковости.

В начале XX века английская интеллигенция начинает знакомиться и с сочинениями У. Джеймса, который утверждал, что в каждом индивиде живет не одно Я, а множество личностей. Известно, что Э. М. Форстер высоко отзывался о брате У. Джеймса Генри. Так, в книге «Аспекты романа» Э. М. Форстер указывал, что «романы Г. Джеймса являются уникальным явлением, и читатель, который не понимает его послышки, не улавливает <...> тонких ощущений» [1, p. 112].

Такова оценка Э. М. Форстером творчества одного из ведущих англо-американских прозаиков XX века Генри Джеймса (James Henry, 1843 – 1916). Американец по происхождению, Джеймс всю свою сознательную жизнь прожил в Англии, путешествовал по Европе, учился в Женеве, Лондоне, Париже и в 1915 г. принял британское подданство. Поэтому естественно, что в своем творчестве Г. Джеймс обращается к проблематике инонационального, а именно к взаимоотношениям Старого и Нового Света. В его произведениях происходит столкновение европейской и американской традиций; на рубеже двух культур Г. Джеймс осуществляет интеллектуальный, нравственный и эстетический поиск (романы «Американец» («The American», 1877), «Европейцы» («The Europeans», 1878) и др.).

По мнению Г. Джеймса, американская жизнь была бесформенной, лишенной исторического наследия, ей не хватало четких линий европейской культуры. Писатель помещает своих героев в инонациональное пространство и с его помощью исследует их психологию. Г. Джеймс испытывает мораль и образ жизни американцев с точки зрения европейских норм.

Полагаем, что Э. М. Форстер вслед за Г. Джеймсом, который в своем творчестве реализовал конфликт европейской и американских ментальностей, обращается к категории инонационального. Опыт, накопленный Э. М. Форстером во время путешествий по разным странам мира (Греция, Италия, Германия, Индия, Египет и др.), позволяет выделить в его творчестве оппозицию «английское» – «неанглийское». Например, Италия как воплощение инонационального предстает в «итальянских романах» Э. М. Форстера «Куда бояться ступить ангелы» и «Комната с видом», в рассказах «История о панике» («The Story of a Panic», 1904), «Сирена» («The Story of the Siren», 1920), «Вечное мгновение» («The Eternal Moment», 1905), а в романе «Поездка в Индию» («A Passage to India», 1924) и своей эссеистике автор обращается и к «индийской» теме.

Тема Индии в английской литературе представляется явлением исторически обусловленным. Она неотделима от процесса становления и упадка Британской империи. В ней отразились сложные нравственные, психологические и политические проблемы, связанные с историей взаимоотношений Востока и Запада, Индии и Великобритании.

Одним из писателей, который впервые открыл инаковость Востока с его экзотикой и самобытной цивилизацией английскому читателю, стал «англо-индеец» Редьярд Киплинг (Rudyard Kipling, 1865 – 1936). Творчество Р. Киплинга является важным этапом в обращении английской литературы к Индии. Писатель сумел разглядеть в Индии многослойное, но внутренне связанное традиционное общество, которое пришло в движение под влиянием столкновения с западной цивилизацией.

Р. Киплинг впервые в английской литературе героизировал повседневный труд англичан в Индии. При этом он понимал страх англо-индийского общества утратить в Индии свою английскость и одобрял его стремление к самоизоляции, желание как можно меньше вступать в контакт с индийцами. С другой стороны, ему понятен также и консерватизм индийского общества, сопротивляющегося западным нововведениям. Особое внимание писателя привлекает зона контакта между двумя обществами, двумя культурами. Р. Киплинг приходит к выводу, что за пределами своего социального круга человек остается без его поддержки и вступает в зону повышенной опасности. У писателя есть несколько рассказов о катастрофических последствиях таких попыток пересечь границы («Переступив черту», «Ворота ста скорбей», «Сохранить как доказательство» и др.).

Р. Киплинг, в отличие от Э. М. Форстера, стоял на позициях сохранения и поддержания британского господства в Индии, а содержащаяся в его произведениях критика британских колониальных служащих была направлена на исправление недостатков и просчетов.

Полагаем, что из всех писателей-современников Э. М. Форстера, затрагивающих тот или иной аспект инаковости, наиболее близким к его взглядам является Дэвид Герберт Лоуренс (David Herbert Lawrence, 1885 – 1930). Оба писателя были не только в дружеских отношениях, но и высоко ценили романы друг друга. С самого начала творчество Д. Г. Лоуренса вызвало восхищенную реакцию со стороны Э. М. Форстера. Последний также выступал на судебном процессе по роману Д. Г. Лоуренса «Любовник леди Чаттерли» в защиту книги.

У Д. Г. Лоуренса, как и у Э. М. Форстера, в романах и новеллах часто встречается тема осознания своего отличия от Другого, основанного на контактах и конфликтах между представителями разных культур и стран. В качестве примера можно привести многочисленные эссе Д. Г. Лоуренса об «иных» нациях и народах и его путевые заметки от путешествий по миру (Италии, Германии, Австрии, Австралии, Америке): «Сумерки в Италии», «На земле этрусков», «Утро в Мексике», «Море и Сардиния» и др., а также работы общего характера о проблеме инаковости.

Инаковость у Д. Г. Лоуренса прежде всего рассматривается в отношении различия рас. Современная белорусская исследовательница М. С. Рогачевская определяет инаковость у Д. Г. Лоуренса как «признание различия между двумя или несколькими явлениями, субъектами и т.д.» [2, с. 3], причем это различие, по ее мнению, «не является или не должно являться конфликтообразующим» [2, с. 3]. В этом, на наш взгляд, заключается отличие лоуренского видения от форстеровского: у Э. М. Форстера полюса бинарных оппозиций «Я – Другой», «свое – чужое», «национальное – инациональное» стараются преодолеть изначально конфликтный характер.

Конфликт между английским и итальянским характерами является основой первого романа Э. М. Форстера «Куда боятся ступить ангелы» («Where Angels Fear to Tread», 1905). Столкая английскую и итальянскую ментальности, писатель детально исследует эти национальные характеры. Конфликт между англичанами и итальянцами представлен столкновением властной миссис Герритон с ее вдовствующей невесткой Лилией, с одной стороны, и обаятельным, но выпадающим из привычных правил (по английским стандартам) сыном итальянского дантиста Джино – с другой.

В Италии Лилия выходит замуж за Джино, и Филипа, сына миссис Герритон, посылают в маленький провинциальный городок Монтериано с целью выяснить положение дел непосредственно на месте. Когда Лилия умирает при рождении ребенка, семейство

Герритонов почти в полном составе приезжает в Италию, чтобы «спасти» его от Джино. Роман достигает трагического апогея, когда младенец погибает в результате несчастного случая при попытке его похищения дочерью миссис Герритон Генриеттой.

В романе Э. М. Форстер исследует способность героев воспринимать инонациональное не как враждебное, а как иное национальное, принципиально другое, существование которого необходимо для равноправного диалога. В связи с этим полагаем уместным представить реакции героев романа «Куда боятся ступить ангелы» на инонациональное в виде спектра, отражающего степень его принятия/непринятия, лояльности/враждебности по отношению к нему. При помощи категории инонационального Э. М. Форстер оценивает «развитость» сердец своих героев, их душевную зрелость. Спектр будет выглядеть следующим образом:

Миссис Герритон Генриетта Филип Каролина Лилия

ОТРИЦАНИЕ _____ | _____ | _____ | _____ | _____ СЛИЯНИЕ

Ближе к одному концу спектра находится Лилия Герритон. Выйдя замуж за Джино, Лилия пытается полностью погрузиться в инонациональное пространство. Но в то же время она предпринимает попытку перенести английское общество, его вкусы и манеры на итальянское. Такая проекция представляет собой обычную кальку, и в этом заключается ошибка героини.

На противоположном конце спектра находится миссис Герритон. Она никогда не уезжала из Англии и, как и сама Англия, занимает островное положение, находясь в полной изоляции от других. Для миссис Герритон островком стабильности, благополучия является столь ненавистный Э. М. Форстеру пригород Состон, рассадник снобизма, лицемерия, «родина» «неразвитых сердец». Миссис Герритон никогда не выглядывает за пределы Состо́на, и поэтому все инонациональное воспринимается ею как враждебное.

Рядом с миссис Герритон находится ее дочь Генриетта, для которой, хотя и ненадолго, по заданию матери, уезжающей из Состо́на, но не преодолевающей его влияния, отношения с инонациональным представляются крайне антагонистическими. Недалеко от Генриетты на спектре расположен Филип, наслаждающийся Италией, ее экзотикой, инаковостью, а также мыслью о том, каким облагораживающим могло бы быть влияние Италии на его родной Состон. Наконец, в середине спектра находится Каролина Эббот. Эта героиня Э. М. Форстера успешно инкорпорирует опыт, приобретенный от погружения в инонациональное пространство.

Пожалуй, одним из наиболее сложных образов в романе является образ Филипа Герритона. Как отмечал Э. М. Форстер в письме критику Р. Г. Тревельяну, «целью произведения является изображение эволюции характера Филипа» [3, р. 161]. В то время как Генриетта, сообщает читателю повествователь, остается под постоянным и пристальным контролем матери (более того, Генриетта всегда находится в силовом поле своей национальной культуры, так как инонациональное пространство является для нее не просто чужим, а радикально чуждым), то Филип под влиянием инонационального постепенно освобождается от влияния миссис Герритон и движется к своему истинному Я.

В начале романа мы узнаем, что, когда Филип в возрасте двадцати двух лет впервые посетил Италию, он остался завороченным этой страной. Герой познакомился и полюбил простых итальянцев. «Италия, – убежден Филип, – очищает и облагораживает всякого, кто там побывает. Италия для всего мира и школа, и одновременно площадка для игр» [4, с. 23]. По прибытии на родину все казалось ему серым, посредственным, ничтожным. Он вернулся в Англию с целью либо преобразовать Состон наподобие Италии, либо полностью его отвергнуть. Однако из этой затеи ничего не вышло: «неразвитые сердца» Состо́на оказались неподвластны чарам Италии. Кроме того, «он шокировал с полдюжины состо́нцев, вступал в перебранки с сестрой и спорил с матерью» [4, с. 71]. С тех пор он стал испытывать чувство

морального неудовлетворения, с одной стороны, и интеллектуального превосходства по отношению к состонам, с другой. Попытка Филипа изменить Состон и его обитателей напоминает неудачу Лилии, пытавшейся перенести английскую модель образа жизни на итальянскую. Несмотря на это, Филип сохранил веру в преобразующую силу Италии. По этой причине он и советует Лилии отправиться на итальянскую землю.

Наслаждаясь Италией лишь эстетически, герой не в силах порвать с Состоном и его ценностями. Ему нравится восхищаться Италией, ее ценностями и архитектурой, любить итальянцев в Англии, однако «три года он восхвалял итальянцев, но вовсе не рассчитывал получить итальянца в родственники» [4, с. 32]. Более того, он приходит в ужас от того, что Джино – сын итальянского дантиста. Вот как писатель описывает реакцию героя: «Филип издал возглас отвращения и боли <...>. Дантист! Дантист в Монтериано! Зубной врач в волшебной стране! Вставные зубы, веселящий глаз и кресло с откидной спинкой <...>. Филип и думать забыл о Лилии. Он беспокоился за себя» [4, с. 38].

До этого Филип романтизировал и идеализировал Италию; она для него представляла нечто экзотическое. Сформированное представление об Италии исключает существование дантиста в «волшебной стране», которую Филип создал в своем воображении: «он боялся, что романтика для него умерла» [4, с. 38]. Увидев другую Италию, в которой Филип находился не в качестве туриста, герой чувствует себя обманутым: «Италия, страна красоты, погибла для него навсегда. Она не в силах была сделать лучше людей, которые там жили, или их взгляды. Более того, на ее почве произрастали жадность, жестокость, глупость и, что еще хуже, вульгарность. На ее почве, под ее влиянием, глупая женщина вышла замуж за плебея» [4, с. 72]. Филип возненавидел Джино за то, что тот разрушил его идеал и веру в сказочную страну.

Как указывал сам автор, в пятой главе романа Филип «запутывается, пытаясь жить посредством <...> чувства прекрасного. Понимание того, что он сбился с пути, озлобляет его, и это является началом его эволюции» [3, р. 161]. Существовавшее до этого видение Филипа оказалось иллюзорным, оно ближе к фантазии, чем к реальности. Однако даже такая Италия, существовавшая в его воображении, оказывается ближе и роднее: она представляется Филипу источником страсти, которую не может предложить Состон и/или его окружение. Так как Филип прибывает в Италию слишком поздно (Лилия уже стала женой Джино), то для него нет смысла оставаться в стране, которая разрушила его мечты и обманула надежды. Он покидает Монтериано – место скандала, разврата – и возвращается в Состон, который представляется уголком комфорта и благопристойности.

Третья поездка Филипа в Италию в сопровождении Генриетты раскрывает его сердце. Переосмысливая национальное на фоне инонационального, Филип приходит к выводу, что он действительно ненавидит не Монтериано и Италию, а Состон. С самого начала поездки ему безразлична их миссия; он осознает себя «марионеткой в чужих руках». Герой смотрит на вещи другими глазами, стараясь уловить то, что пропустил и не увидел в предыдущий раз. Он осматривается вокруг себя и обнаруживает, что «романтика вернулась в Италию, в стране не было больше плебеев, она сделалась прекрасной, любезной, обаятельной, как прежде» [4, с. 106]. Филип понимает, что прелесть Италии заключается непосредственно в ее людях. На все происходящее вокруг он реагирует спонтанно и непосредственно; он уже не разглядывает все глазами матери и не применяет состоновские стандарты.

Несмотря на то, что поездка Филипа в Италию трансформирует его внутренний мир – он избавляется от цинизма, косности, узости мышления – в жизни он остается лишь зрителем, подобно зрителю в оперном театре Монтериано. Филип сам в этом признается: «Мне, видимо, суждено пройти сквозь жизнь, не вступив с ней в конфликт и не оставив в мире следа. <...> Я не умираю, я не влюбляюсь. <...> Жизнь для меня спектакль» [4, с. 137]. Посещение театра, разговор с Каролиной после оперы он считает самыми крупными событиями в его жизни. С ним уже ничего не случится: более крупных событий в его жизни больше не будет.

Под влиянием инационального, а именно солнечной и воодушевляющей Италии, спектакль, который наблюдает Филип, кажется ему жизнеутверждающим. Италия представляется ему временным убежищем от порочного круга семейства Герритонов, от которого он до конца не в силах отречься в силу занимаемой пассивной жизненной позиции наблюдателя. Более того, только лишь эстетическое восприятие инационального является важным, но недостаточным условием для диалога с ним. Тем не менее, развитие Филипа происходит путем приобщения к истинным жизненным ценностям, олицетворением которой оказывается Италия (несмотря на то, что его погружение в инациональное пространство носит временный и эпизодический характер) и постепенной неприязни к лицемерию состоновского окружения: по возвращении в Англию Филип планирует переехать в Лондон.

Филип пересматривает жизненные ценности и под воздействием Каролины Эббот, которая движется к законченности и цельности бытия. Эволюция Каролины наиболее полно изображена Э. М. Форстером: от молодой девушки, находящейся рядом с Лилией в Италии в качестве простой компаньонки, до зрелой личности, помогающей Филипу постигнуть сложность жизни.

Таким образом, в романе «Куда бояться ступить ангелы» Э. М. Форстер раскрыл трагический конфликт национально-культурных ментальностей. Сталкивая героев, принадлежащих к разным национальностям, он создает ситуации, в которых им необходимо распознать общечеловеческое, находящееся под покровом другой национальной культуры. Символична в этом отношении сцена примирения Джино и Филипа после смерти младенца, на котором, «умершем на грязной дороге, сосредоточились сильные страсти и большие надежды» [4, с. 148]. Герои, выпивая из одного кувшина молоко, предназначенное для ребенка, освобождаются от национальных условностей и стереотипов.

По Э. М. Форстеру, главной причиной отказа от признания/понимания «чужого» и инационального является «неразвитость» английского сердца, которое усложняет диалог англичан с иными культурами. «Неразвитое» английское сердце образует оппозицию непосредственно внутри английского национального характера: с одной стороны, миссис Герритон и ее дочь Генриетта как олицетворение идеалов и ценностей Состона, а с другой – Филип, Лилия, Каролина Эббот, тяготеющие к итальянскому взгляду на мир и пытающиеся освободиться из-под власти Состона и его стереотипов.

Итак, разрешение конфликта инационального и национального связано не с утверждением какой-либо отдельной национально-культурной ментальности, а с преодолением различий в пользу всеобщего и всечеловеческого. Составляющие каждой из бинарной оппозиции «национальное – инациональное» могут быть определены и (пере)осмыслены лишь на фоне друг друга. Только в диалоге с инациональным возможно более глубокое осознание своего национального.

Литература

1. Forster, E. M. Aspects of the Novel and Related Writings / E. M. Forster. – London: Arnold, 1974. – 169 p.
2. Рогачевская, М. С. Психоаналитическая концепция Д. Г. Лоуренса и ее реализация в прозе: дис. канд. филол. наук: 10.01.03 / М. С. Рогачевская. – Минск: 2003. – 111 л.
3. An Exchange between Forster and R. G. Trevelyan // Where Angels Fear to Tread / E. M. Forster. – L.: Penguin Books, 2001. – P. 161–164.
4. Форстер, Э. М. Куда бояться ступить ангелы / Э. М. Форстер // Избранное. – Л.: Худож. лит., 1977. – С. 17–162.